

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 6, No. 4, pp. 236-252, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 93/94

Soviet Jews write to the Red Army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University

Leonid Smilovitsky

Tel Aviv University, Israel
Goldstein-Goren Diaspora Research Center
Carter Bldg., Ramat Aviv, Tel Aviv 69978
PhD (History)
E-mail: smilov@zahav.net.il

Abstract

The article is dedicated to the creation and analysis of a collection of private correspondence of Soviet Jews from the years 1941–1945. The correspondence was between the Jews fighting at the front and their relatives and acquaintances evacuated to the USSR hinterland. Most of the letters and diaries have come to the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University from the family archives of the World War II veterans, or of their heirs, who live now in various countries of the world. The author's conclusion is that the wartime correspondence and diaries are a valuable historical source, which largely enriches our knowledge of the deadly struggle between the Soviet Union and Nazi Germany.

Keywords: letters; sources of personal origin; World War II; the Great Patriotic War; the Red Army; the Jews; the Holocaust; Yiddish; evacuation; front; rear and hinterland; censorship.

К постановке проблемы

С началом Великой Отечественной войны произошло перемещение огромных масс населения СССР в разные регионы страны. Письма остались практически единственным способом коммуникации между людьми, оказавшимися в совершенно новой, непривычной обстановке. Роль полевой почты в годы войны трудно переоценить. Это была своего рода кровеносная система, питавшая сложный организм огромной страны, которая боролась за жизнь. За четыре года войны в Красную армию были призваны или вступили добровольно от 490 до 520 тыс. евреев [1]. Не менее 1,5 млн евреев были эвакуированы или бежали из районов боевых действий (Белоруссии, Украины, Россия, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа) в области глубокого советского тыла (Казахстан и Среднюю Азию, Башкирию, Урал, Сибирь, Дальний Восток) [2].

Главные потоки писем в 1941–1945 гг. шли с фронта и на фронт, из районов массовой эвакуации и советского тыла. С помощью переписки происходил обмен информацией и эмоциональными переживаниями военнослужащих-участников боевых действий и гражданского населения. После войны в архивы и музеи попали лишь отдельные комплексы писем. За последние семьдесят лет отношение к письмам как историческому источнику

неоднократно менялось. Одни исследователи подвергали эпистолярный жанр острой критике за субъективизм. Другие считали письма едва ли не самым достоверным источником по проблемам духовной жизни советского общества [3].

Первые публикации писем были изданы еще до окончания войны. Они должны были будить ненависть к врагу, мобилизовать все силы для победы [4–5 и др.]. Эта работа была продолжена сразу после войны [6 и др.]. Нередко послевоенные публикации писем в СССР были приурочены к очередной годовщине разгрома нацистской Германии [7–9 и др.]. Власти предпочитали все списать на войну: большие потери, трудности военной жизни и т.д. Считалось, что даже в голодном тылу положение было лучше, чем на фронте – там не стреляли, не бомбили и не взрывали.

Положение изменилось со второй половины 1990-х гг., когда появились новые многочисленные публикации писем и дневников военного времени [10–12 и др.]. Значительную работу в этом направлении проделал Российский научно-просветительный центр «Холокост» в Москве, архив которого содержит крупный комплекс писем и дневников советских военнослужащих-евреев, часть из которых опубликована [13–15]. В дополнение к ним появились публикации писем об участии евреев-бойцов и командиров Красной армии в Великой Отечественной войне, изданные в Израиле [16–18].

Создание коллекции

Формирование коллекции военных писем и дневников в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете началось три года назад. Участники проекта поставили перед собой задачу сбора, сохранения и изучения писем, дневников, воспоминаний, наградных листов и других личных документов участников Второй мировой войны и их потомков. Это включает создание единой базы данных для научных, просветительных и образовательных программ, связанных с историей Второй мировой войны. Параллельно проводится систематизация сведений, полученных из частной переписки о положении на фронте и в тылу, истории Холокоста, взаимоотношениях евреев и неевреев в военное время. Много внимания уделяется освещению проблемы эвакуации мирного населения (организованной и неорганизованной), устройству и быту беженцев в районах советского тыла, обеспечению их кровом, продовольствием, работе на оборонных предприятиях, вопросам образования, культуры и социальной активности эвакуированного еврейского населения.

Большое значение придается сбору сведений об участниках переписки (воспоминаний, свидетельств родных, фотографий и пр.). Коллекция содержит письма и другие источники личного происхождения, независимо от национальности их авторов. С одной стороны, это дань уважения к заслугам всех солдат и командиров Красной армии, с другой – позволяет сравнить письма евреев и представителей других национальностей.

Принимая на хранение письма и другие документы периода 1941–1945 гг., мы просим дарителей заполнить анкету по истории семьи. Все новые поступления сканируются, а затем переводятся из рукописного в машинописный вариант. Собранный коллекция будет иметь описание (на иврите, английском и русском языках), что даст представление о том, чьи именно письма поступили в архив, насколько они доступны для читателей и исследователей. Эта работа включает установление связи с участниками войны, общественными и государственными музеями, частными лицами и семейными архивами; подбор ключевых слов и написание комментария к содержанию писем и дневников; сравнительный анализ военной корреспонденции и составление типологии писем. Выясняются условия хранения писем, и причины, по которым часть корреспонденции была уничтожена ее владельцами и наследниками в послевоенные годы. Идет изучение изобразительного ряда (конверты, бумага для письма, печати и штампы, марки), особенностей советской наглядной агитации на примере военной почты.

После публикации обращения в средствах массовой информации Израиля [19 и др.], США [20 и др.] и других стран [21–22 и др.] о создании коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, мы получили много откликов. Меня самого отыскивали дальние родственники, которые были эвакуированы в годы войны из Белоруссии в Узбекистан, и сослуживцы матери, которые живут сегодня в Чикаго. Поиск писем порой сопровождается необычными историями. Из Германии одна женщина сообщила, что готова передать письма своего отца, погибшего на фронте. В разговоре выяснилось, что всего

сохранилось три десятка писем, которыми в семье очень дорожили. Когда жена ветерана умерла, ее дети разделили письма на три равные части, и разъехались на постоянные места жительства в Израиль, США и Германию. Теперь все письма еврейского солдата соединились в коллекции Центра диаспоры.

Еще один звонок из Кёльна: «Меня зовут Эдельштейн. Сохранилась только трудовая книжка отца из блокадного Ленинграда, нужна?» Отвечаю, что да, очень. Прошу написать об отце, и слышу, что он не может, потому что правая рука не работает. «А жена? – а она у меня слепая...».

Маргарита Тимьянская (1932 г. р.) из Магдебурга хранит 80 писем и открыток отца с фронта. Папа, Михаил Соломонович Абрамович, начальник штаба танковой бригады, был тяжело ранен во время штурма Будапешта, скончался 7 января 1945 г. Однако сопроводить письма рассказом об отце и времени пребывания в эвакуации, тяжелых испытаниях, выпавших на долю семьи, для Маргариты уже непосильная ноша, хотя внуки на этом настаивают.

Письма хранят личные тайны. Эдуард Скульский – портной-модельер из Одессы, живет в Израиле с 1991 г. Он всю жизнь собирает сведения об отце, который погиб на фронте в 1944 г. Эдуард признался, что прочитал в письмах, как отец уговаривал маму сделать аборт, чтобы не осложнять себе жизнь и обеспечить необходимым первого ребенка (старшего брата Эдуарда).

В основном до нас дошли письма, посланные из действующей армии в тыл, тогда как ответы на них не сохранились. И это объяснимо. Солдатам негде было хранить письма. Частая перемена места, участие в боевых действиях, ранения и другие обстоятельства вели к утрате переписки. По этой же причине в письмах часто можно прочитать просьбу выслать новые фото родных и близких, друзей и товарищей с объяснением – не сохранил, был в бою (походе, на марше, госпитале).

...Разбираю переписку Моисея Еврейсона. Одно письмо залито кровью. Крупные бурые пятна по всему листу, но текст проступает четко, и дата – 18 августа 1943 г. Подпись: «Люблю, твой Моисей». Зову моего 15-летнего сына показать письмо. Спрашиваю: «Знаешь, что это такое?», – указывая на бурые пятна. Нет, отвечает, да и откуда ему? Объясняю, что это кровь. Солдат носил при себе письмо, его ранило (или убило?), отсюда и следы. На молодого человека, знающего о войне только из книг, кинофильмов и передач по телевидению, это производит неизгладимое впечатление.

Коллекция военных писем Центра диаспоры постоянно пополняется. Условно их можно разделить на несколько групп. К первой и наиболее многочисленной группе относятся одиночные письма или почтовые карточки, высланные с фронта и из эвакуации. Они отрывочны по содержанию и почти не содержат полезной информации для историка. В семье их берегут как автограф близкого человека. Исключение составляют случаи, когда ключевую фразу или слово, эпизод, описанный в письме, родственники могут прокомментировать. Вторую группу составляют комплексы из десяти и более писем. Если они были написаны последовательно, в относительно сжатые сроки (недели, месяцы), то есть возможность проследить цепочку событий. Третья группа – комплексы из нескольких десятков писем, телеграмм, уведомлений о почтовых переводах и документов, которые их дополняют – похоронных сообщений, официальных уведомлений о пропаже без вести, наградных листов, благодарностей командования, фотографий сослуживцев с характерными надписями-посвящениями на обороте. Внутрисемейная переписка дает возможность полнее, в деталях представить картину событий. Оценить те или иные новости или поступки с точки зрения разных участников переписки – мужчин и женщин, детей и взрослых, рабочих и служащих, эвакуированных и беженцев, военных и гражданских лиц.

Центр диаспоры принимает на хранение как оригиналы писем, дневников и документов личного происхождения, так и их копии. Большинство людей, откликнувшихся на призыв передать на хранение письменные свидетельства войны, выступают в роли дарителей. Другие соглашаются предоставить семейные реликвии для сканирования. Самая немногочисленная часть не готова расстаться с письмами войны даже на время. По просьбе Центра диаспоры такие люди самостоятельно их копируют и передают копии в распоряжение архива.

Тексты писем набраны и распечатаны. Большинство снабжены фотографиями корреспондентов (детскими, до призыва в армию, времен воинской службы, послевоенными – если выжили, включая семейные) и комментариями. Письма дополняют личные документы (справки по месту работы и службы, наградные листы, благодарности и грамоты, автобиографии, солдатские и офицерские книжки, мобилизационные предписания, похоронные сообщения и др.).

Поиск и систематизации писем 1941–1945 гг. носит срочный характер. Человеческая жизнь имеет свои границы. На наших глазах уходит последнее поколение свидетелей и участников войны, которые способны сопроводить рассказом письма и документы личного происхождения. По итогам этой работы, рассчитанной на годы вперед, планируются издание сборников писем и подготовка монографий по истории военно-полевой и гражданской почтовой службы Второй мировой войны. Всего в коллекции военных писем Центра диаспоры собраны почтовые отправления и источники личного происхождения 332 участников войны (около 5 тыс. писем, почтовых отправлений и сопутствующих им фотографий и документов). На сегодняшний день обработаны комплексы писем 215 участников войны. В письмах отражена почти ежедневная коммуникация фронта и тыла. Переписка дает представление о переживаниях, чувствах, планах, надеждах, новостях повседневной жизни, реакции на известия с полей сражений, рассказы об учебе, работе, быте эвакуации и фронтовой жизни. Письма содержат много важных деталей и примеров, хорошо передавая ощущения эпохи.

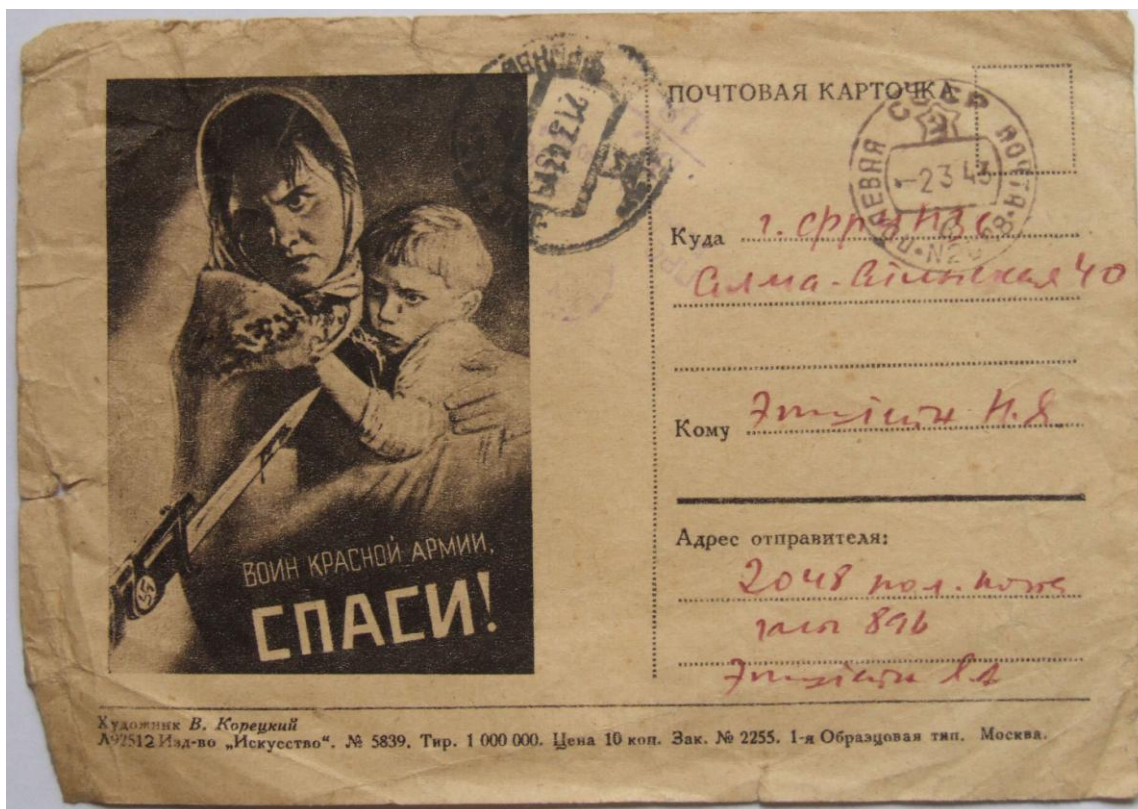

Рис. 1. Письмо Нины Яковлевны Эпштейн из Алма-Аты своему сыну Григорию Эпштейну в действующую армию, 21 марта 1943 г. (здесь и далее используются документы Коллекции военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете).

Наиболее ценную часть коллекции составляет т.н. архив писем (28 папок), который включает собрание десятков и сотен писем, полученных от отдельных семей. Назовем основные подборки писем: Мартин Мартинсон (40 писем), Абрам Резник (40), Яков Спивак (42), семья Левитан (49), Анатолий Богатырев (52), семья Савиковских (59), Марк Смехов (60), Абрам Шмидт (62), Мера Шифрина и Лев Нехамкин (69), Михаил Абрамович (70),

Белла Рубинова (72), Рапопорт (78), Айзик Кучар (98), Борис Пекаръ (107), Шевах Лapidус (109), Борис Йоффе (110), Сергей Дрейзин (134), Арон Мазлер (143), Песя и Овадия Йохельсон (Гринберг) (149), Натан Воронов (150), Леонид Горецкий (198), Моисей Гинзбург (221), Давид Пинхасик и Мария Ваганова (225), семья Айзенштат (250), Инна Фруг (274), семья Эпштейн (699), Менаше Беркович Ваил (1100).

Многочисленность писем, сохранившихся в отдельных семьях, имеет свое объяснение. К интенсивной переписке обязывали тесные родственные связи, теплые домашние взаимоотношения, забота о близких и желание быть в курсе всех дел, помочь советом. В годы войны в таких семьях сложилась потребность почти ежедневного письменного общения, но не все письма сохранились. Значение писем для фронтовика и влияние переписки на самочувствие бойца и командира, его боеспособность, бесстрашие и, в то же время, желание уцелеть, дожить до победы, вернуться к семье, составляют предмет самостоятельного исследования.

Типология писем

В коллекции представлены следующие тематические подборки (блоки) писем и сопутствующих им документов:

- письма на идиш (свыше 50) – своего рода феномен в почтовой корреспонденции военных лет. Они выделялись из общего потока переписки по целому ряду признаков. Переписка на идиш отличалась доверительным характером, личными переживаниями и национальным колоритом. В ней заметно меньше ура-патриотизма, намного больше откровенности, с которой передавались подробности повседневных забот. Одновременно письма на идиш подчеркивали национальную идентификацию их авторов, придавали переписке более личный характер. Они должны были поддержать своих родных и близких, товарищей и друзей в момент тяжелых испытаний. В течение продолжительного времени письма на идиш, как своеобразный корпус источников, были незаслуженно забыты, выпали из научного оборота. Прежде всего, сказался общий запрет на изучение еврейской темы в послевоенные годы. Письма на идиш, которые уцелели, были далеко скрыты от посторонних глаз из опасений обвинений в еврейском национализме. С другой стороны, у самих исследователей не было ни желания, ни возможностей расшифровать послания на идиш;

- детские и родительские (письма детей родителям на фронт и родителей детям из действующей армии);

- стихи в письмах (любительские, собственного сочинения или профессиональных авторов, переписанные из газет и книг, заимствованные у сослуживцев, солдатский фольклор);

- благодарности, грамоты, почетные листы (от командира полка до Верховного Главнокомандующего), справки о награждении правительственными наградами;

- Германия и немцы (обсуждение в письмах отношения евреев-военнослужащих к немецкому гражданскому населению после вступления советских войск в Германию);

- карикатуры («На живца», «Клещи в клещи», «Генерал-мороз», «Били, бьем и будем бить» и др.);

- блокада Ленинграда (быт, работа на предприятиях, оборона города, связь с родными, иносказательные намеки на хронический дефицит продовольствия и страдания от голода);

- запросы о судьбе родных, оставшихся на оккупированной территории (письма военнослужащих в советские органы власти на освобожденных территориях);

- лаконичные письма (содержат минимум информации, как правило, состоят из нескольких слов, сообщений родным о том, что автор письма жив и здоров);

- уникальные письма (по форме написания и содержанию);

- письма о Холокосте (свидетельства о следах массовых преступлений нацистов против евреев, посещения гетто и концлагерей, письма бывших узников гетто, выживших и вступивших в Красную армию, бойцов и командиров, услышавших рассказы от евреев, переживших оккупацию, евреев-партизан и др.);

- цензура (письма с пометками цензуры, упоминания корреспондентов о запрете сообщать ту или иную информацию, способы обойти цензуру при помощи намеков и иносказаний, понятных только участникам переписки и др.);
- упоминания о Палестине (около 40 писем родственникам и знакомым в Палестине, направленных из областей советского тыла, куда были эвакуированы семьи евреев, сражавшихся с нацистами в рядах Красной армии, свидетельства стремления евреев уехать в Палестину, как место убежища всех евреев);
- портреты (работы самодеятельных художников, студентов художественных институтов – рисунки солдат и командиров, товарищей по оружию, выполненные в полевых условиях карандашом, тушью, углем или акварелью);
- письма об открытии второго фронта и советско-англо-американском военном сотрудничестве.

Рис. 2. Письмо Нины Эпштейн Тамаре Должанской в Тель-Авив

Бумага и письменные принадлежности

На чем писали письма? Какую роль играли письменные принадлежности? Перо, чернила и бумага, как и стол или табурет, были не всегда под рукой. Писали часто карандашом, на коленях, в окопе. Бумаги и конвертов не хватало, корреспонденты часто просили прислать их друг другу. Находчивые люди приспособивали куски тонкого картона под импровизированные самодельные почтовые карточки. На одной стороне писали адрес отправителя и получателя, наклеивали марку, на другой – текст письма. Конверты делали из оберточной и газетной бумаги, старых обоев, телеграфных бланков, топографических карт, формуляров технической отчетности (смет расхода горюче-смазочных материалов, бухгалтерских отчетов, сводок сдачи урожая и пр.). Материалом для письма могли служить листы из книг или даже тексты приказов Верховного Главнокомандующего

Заметно изменился внешний вид писем после 1944 г. Как следует из собранных нами почтовых отправлений, солдаты перестали просить родных присылать карандаши и почтовую бумагу. Красная армия перешла границу, появились новые возможности. Канцелярские принадлежности, конверты и почтовые открытки перестали быть дефицитом.

С одной стороны, заметно улучшилось снабжение Красной армии, с другой – стало больше трофеев. Чаще начали встречаться письма, написанные чернилами, а значит, написанные не в полевых условиях.

Рис. 3. Письмо Я.Н. Смаргон Н.А. Смаргону, написанное на тексте приказа Верховного Главнокомандующего, 25 января 1945 г.

Самым распространенным видом фронтовых писем являлись «треугольники» – чисто советское изобретение, которое больше нигде не встречается. Как правило, из тыла на фронт письма шли в конвертах, а с фронта в тыл – бесплатно, в форме треугольников. Фронтовикам конверты были не нужны. Военная цензура в СССР вскрывала все, без исключения, письма [23]. Кроме того, треугольник без труда мог открыть и прочесть любой желающий (экспедитор, почтальон, сосед, сослуживец), туда ничего нельзя было вложить. «Треугольники» писали и складывали из того, что было под рукой. Коллекция Центра диаспоры располагает примерами писем на бланках государственных и административных органов, хозяйственных учреждений (советских и немецких), на обрывках газет, инструкциях РККА по ведению боя на лыжах, на страницах из школьного учебника ботаники.

Если фронтовое письмо ушло в тыл в конверте (чаще самодельном) – значит, в нем или текста было больше, чем одна страница, или что-то вкладывалось (например, фото). Приносил и забирал почту письмоносец (почтальон), обходивший позиции. При этом важные бумаги – например, документы – отправляли заказным письмом, но уже за плату. Можно было послать и телеграмму. Принимала почта и денежные переводы: многие солдаты и офицеры переправляли свое денежное довольствие семьям в эвакуацию.

Печатная агитация

Конверты с изображением легендарных русских военачальников (А. Невского и Д. Донского, К. Минина и Д. Пожарского, А. Суворова, М. Кутузова и др.) использовались, как средство пропаганды. По оформлению конвертов можно судить о многом – подъеме боевого духа армии и тыла, призыве отдавать все силы для победы, невзирая на любые трудности и потери. Почтовые конверты содержали призывы к бдительности (цветная или черно-белая строка по верху, иногда выразительная картинка), неразглашению военной

тайны («враг подслушивает», «болтун – находка для шпиона»). Власти были заинтересованы держать население в неведении. Война тем временем безжалостно убирала свидетелей. Все, что было не записано, исчезало навсегда. Уходил человек, и вместе с ним исчезал целый мир – все, что он мог рассказать.

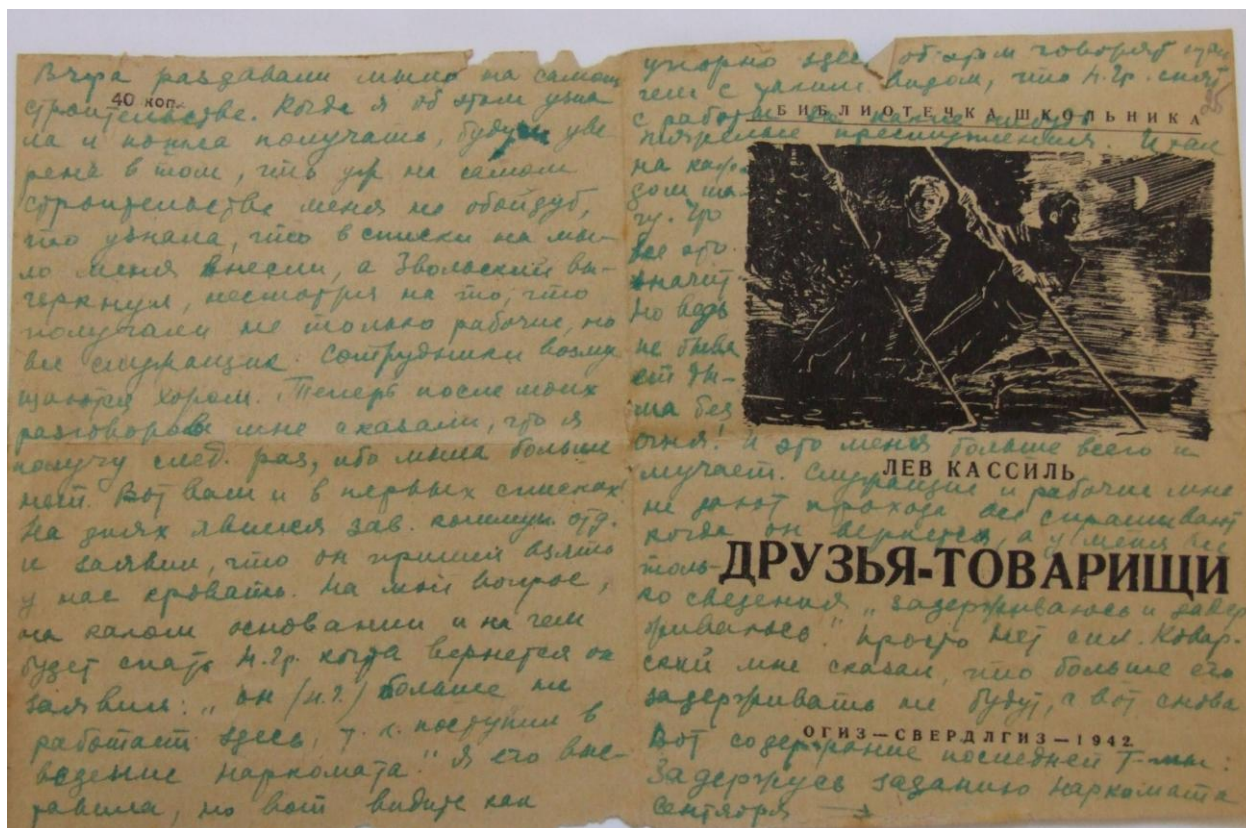

Рис. 4. Письмо А.М. Новиковой Н.С. Новицкой, написанное на обложке книги Л. Кассиля «Друзья-товарищи», 26 августа 1943 г.

Коллекция военной корреспонденции Центра диаспоры располагает 608 конвертами, открытками и плакатами которые подобраны по темам:

- род и вид войск (стрелковые и бронетанковые войска, кавалерия, артиллерия, ВВС, ВМФ, ПВО, связь);
- дети (дававшие наказ отцам и старшим братьям отомстить врагу, плакаты «Воин Красной армии – спаси!» (изображение ребенка на руках у матери), «Мы ведем войну справедливую!» (солдат с ребенком на руках) и др.);
- культура (показ роли образования, просвещения, науки в оказании помощи фронту);
- памятные даты (1 мая, годовщины Красной армии, Октябрьской революции 1917 г.);
- новогодние поздравления («Новогодний привет с фронта», «С новым победным годом!», «С годом окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков» и др.);
- медицина («Нашим санитарам – слава!», «Медработник – фронту», «Хирург на посту» и др.);
- в бою («Мотоциклисты на марше», «Очистим родную землю от гитлеровской нечисти!», «За страну советскую – бей зверье немецкое!» и др.);
- русские и советские военачальники (герои войны с татарами, тевтонскими рыцарями (XII–XIII вв.), польскими интервентами 1612 г., с нашествием Наполеона в 1812 г., а также «Наследники Суворова и Кутузова», «Наследники героев гражданской войны 1918–1921 гг.»);
- партизаны («Народные мстители», «Слава советским партизанам» и др.);

- плакаты («За нашу Советскую Родину», «Знамя полка – честь полка», «Закурим, друг», «За Родину-мать», «Смерть немецким оккупантам» и др.);
- воины-герои («Стреляю так, что ни патрон – то немец», «Еще один фриц готов!», «Папа, убей немца – выполню сынок», «Казак на Запад держит путь, казак не хочет отдохнуть» и др.);
- Сталин («За родину, за Сталина»; «По призыву великого вождя народов – в народное ополчение», «Сталинские соколы», «Наследники Сталина», «Выполним заветы Сталина» и др.);
- помощь фронту («Все для фронта – все для победы», «Дадим сверхплановый металл для пушек и снарядов», «Славному защитнику Родины от колхозников-сибиряков», «Героическому тылу – привет с фронта» и др.);
- подполье (пионеры-герои, героини-комсомольцы, герои подполья, герои Краснодона – «Молодая гвардия» и др.);
- победа («Крым освобожден от врага», «Салют освободителям Минска», «Слава героям Ленинграда», «Советский народ-победитель» и др.).

Рис. 5. Письмо комиссара Н.С. Гендина Р.Н. Лернеру, 6 марта 1942 г.

Очень показательны надпечатки на конвертах и открытках в виде лозунгов, призывов, цитат из выступлений руководителей партии и правительства, приказов Верховного Главнокомандующего. Для примера приведем только одну тему, связанную с воспитанием ненависти к противнику:

За папу! За маму!
 За слезы сирот, за детей
 Сполна заплатим фрицу!
 Ищи его и в сердце бей.
 И в землю вбей – убийцу! [24].

Воин Красной Армии! Судьба Родины решается твоим оружием и стойкостью.
Бей врага, не зная страха! Победа будет за нами! [25]

Громи врага! Иди на приступ!
Бей немцев яростно, боец.
Чем больше ты убьешь фашистов,
Тем ближе Гитлера конец! [26].

Германские фашисты стремятся превратить русский народ в рабов немецких капиталистов и помещиков. Им это не удастся. Русский народ никогда не будем рабом пса Гитлера! [27].

«Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти»
(И.В. Сталин) [28].

Надпечатки на конвертах, официальные лозунги во славу советского оружия и требование разгрома Германии оставляют неизгладимое впечатление, когда читаешь фамилии корреспондентов, которым адресованы письма (Иоффе, Айзенштат, Лившиц, Эпштейн, Авин, Шварц, Рабинович, Каганович, Либерман, Пинхасик и др.). Начиная с 1942 г., политика немецкого геноцида еврейского населения уже не представляла тайны, поэтому призывы властей «отомстить», «убить немца», которыми изобиловали конверты, приобретали для советских евреев особенно глубокий смысл.

Отдельную группу представляют самодельные конверты (склеены из газеты, оберточной бумаги, старых писем, титульных листов книг, открытки на картоне и др.

Сохранность писем

До окончания войны письмами особенно дорожили. Для того чтобы почтовые отправления не растерялись при частых переездах, корреспонденцию (письма, телеграммы, отрывные талоны о денежных переводах) крепили доморощенным способом. Одни сшивали нитками (семья Айзенштат). При этом каждое новое письмо крепилось сверху общей пачки дополнительным стежком. Другие накальвали на проволоку по принципу скоросшивателя (семья Гинзбург). Так, закрепленные в едином пакете, письма и дошли до наших дней. Всего, по данным Управления военно-полевой почты СССР, за время войны было доставлено около 3 млрд писем (18 млн в день). Несмотря на гигантские объемы, в целом система советской военно-полевой почты с задачей справлялась.

Письма писали при свете дня или в полутьме. Срок жизни письма был ограничен, посылавшие его люди не рассчитывали на долгое хранение. Чаще всего, это было сообщение о самочувствии корреспондента (о том, что он жив, состоянии его здоровья, настроении, подтверждения любви и верности). Со временем тексты, нанесенные простым карандашом, стали мало различимы, бумага выцвела или выгорела. Разбирать такие письма – мука, но соблазн велик. Вдруг там кроется то, что раскроет историю судьбы человека? Редкий пример, точная фраза, образное сравнение...

Часть корреспондентов уничтожала письма еще в годы войны сразу после прочтения, руководствуясь негативным опытом предвоенных сталинских репрессий. Приведем одно такое свидетельство: «Моя мама сознательно уничтожала все папины письма, полученные во время войны. Она говорила, что не может забыть, как во время обыска при папином аресте (его арестовывали дважды – в 1935 и 1937 гг.) чекисты читали вслух их переписку, а поскольку вероятность нового ареста она не исключала, то и письма с фронта рвали сейчас же по прочтении» [29]. Другие люди переставали хранить письма после того, как их близкие возвращались из армии домой, или переезжали на новое место жительства, или уходили из жизни. Евреи, собиравшиеся на постоянное место жительства в Израиль, жгли письма и рвали фотографии, поскольку считалось, что они уезжали навсегда, без права возвращения, а таможня много с собой брать не позволяла (на все требовалось официальное разрешение, акт экспертизы, заключение нотариуса, свою роль играл и лимит разрешенного багажа – не более 20 кг). Репатриация сняла немоту, люди начали делиться тем, о чем прежде молчали.

Но одновременно она уничтожила многие письма и другие источники личного происхождения. Остались устные свидетельства, удивительные рассказы, но не осталось многих писем.

Цензура

В письмах с фронта запрещалось указывать место отправителя, географические названия, маршруты следования, фамилии начальников, в тыловых письмах – цены, распорядок работы предприятий и учреждений и т.д. [30] Соответственно, все, не подлежащее разглашению, вычеркивалось черной тушью. На каждом письме ставился штамп: «Просмотрено. Военная цензура №...». Подобные службы имелись в армиях всех воевавших стран. Однако в СССР, несмотря на то, что армейская цензура находилась в ведении Управления военно-полевой почты Народного комиссариата связи, цензоры еженедельно подавали отчет в органы госбезопасности – замечено ли в письмах что-то подозрительное? Если да, то отправитель и адресат брались на заметку. Такие меры были приняты уже в самом начале войны [31].

Политработники инструктировали солдат и офицеров не писать о лишениях и потерях, избегать любой негативной информации. Это мотивировалось необходимостью не выдать «военную тайну» или не разочаровывать родных, которые и так выбивались из сил, чтобы помочь фронту. Так скрывались просчеты и неудачи командования, неподготовленность и непрофессионализм, неоправданные людские потери, отсутствие патриотического настроения, детали быта, не говоря уже о смертельной опасности, потере товарищей, ужасах войны, трусости, несправедливости начальства, невзгодах окопных будней. В ином случае письма могли не дойти до адресатов. Это понимали и сами бойцы и командиры. Некоторые из них прямо указывали: «Вы же знаете, в моих письмах о нашей жизни ничего прочитать нельзя», «Хотите узнать новости – читайте газеты», «Вот встретимся, тогда МНОГО расскажу», «Пишите вы, а мне писать нечего...» [32].

Моисей Гинзбург 28 августа 1944 г. писал родителям в Баку: «Пока я все там же. Работаю, живу, сплю, кушаю, что может быть нового в военной жизни? Да и не все можно писать ...». 1 сентября на неоднократные просьбы родителей сообщить, где он находится, отвечает: «Сколько можно спрашивать, где я нахожусь, и работает ли здесь нормально полевая почта?». 29 сентября Моисей пишет, что скоро погуляет по Маршалковской, которая, по рассказам, не менее красивая, чем Крещатик в Киеве. Неизвестно, знал ли военный цензор, не вычеркнувший это место в письме, что улица Маршалковская находится в Варшаве? 3 октября: «У нас все тихо, но это ненадолго. Если вы читали в центральных газетах о польской пресс-конференции, то обратили внимание, что речь шла о городке, который переходил из рук в руки. Я видел этот городок, а теперь я вижу его издали в хорошую погоду, когда нет тумана». 15 октября: «У меня все по-старому. Ничего нового нет, нахожусь пока все там же. Этой улицы пока еще не видно. Никак не удастся по ней погулять». 1 ноября: «Новостей никаких нет. Мы пока все там же, далеко не продвинулись. Можете прочесть о нас в сводке Совинформбюро от 28 октября 1944 г. – во всех этих деревнях я был». 15 ноября: «Я пишу всякую ерунду только для того, чтобы не было больших перерывов, ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне». 25 ноября: «Маршалковская уже далеко, мы уехали южнее, в другое место. Новостей нет, по-старому». 2 декабря: «Новостей нет. Сейчас я там же, где был в августе». 25 декабря: «Живу по-старому. Работать приходится много. То чем я занимаюсь, напоминает работу папы в военном отношении. Часто приходится засиживаться над документами до поздней ночи» [33].

Моисей Гинзбург, писавший домой почти ежедневно (главным образом почтовые открытки), неоднократно затрагивал тему цензуры. В коротких и лаконичных выражениях он рисовал картину военных будней, остро реагировал на увиденное и услышанное. Однако при этом ни словом не обмолвился о своей военной специальности (артиллерийской разведке). Возможно, из скромности, но так и не упомянул, за что удостоен наград (орденов Отечественной войны 1 и 2 степеней, Красной звезды, медали «За отвагу» и др.) [34]. Письма Гинзбурга – наглядное подтверждение, насколько сильным был внутренний цензор у солдат Красной армии, и как в иносказательной манере они передавали то, что было для них важно.

Письма детей и детям

Большое значение имело, кто писал: мужчина или женщина, юноша или девушка. Родители – сыну или дети – отцу на фронт. Письма детей написаны ученическим почерком, часто украшены картинками, иногда с использованием цветных карандашей. Характерные сюжеты – девочки рисовали букеты цветов, а мальчики – танки, пулеметы и оружие. Большинство содержало просьбу папам и старшим братьям скорее разбить немца и вернуться домой. Опасность, при которой родные могли погибнуть, исключалась. Вернуться только живым, и только с победой! В свою очередь, родители-фронтовики спрашивали об успеваемости и дисциплине, помощи по дому. Мысли о доме и детях присутствуют в большинстве писем. Не все фронтовики могли выразить свои чувства, но когда это получалось, мы имеем примеры поразительной силы: «Милая Раечка! Ты просишь приехать в отпуск. Сейчас не время для встреч. Война продолжается, и пока не закончим ее, и мечтать не приходится. А Марик!!! Ох, как хочется его увидеть. Единственная наша радость семейная, ведь он даже своего папки не знает... Почему мы такие несчастные, что не можем вместе воспитывать и растить свою плоть, свою кровь? Пока я жив, ты будешь обеспечена (а живым я вернусь из-за Марика, из-за тебя, из-за будущей жизни). Тебя Родина поддержит. Я всеми средствами буду помогать.

....когда речь заходит о Марике, я лишаюсь дара речи, я теряю способность мыслить, я перестаю владеть собой, и хозяином надо мной становятся... слезы. Да, слезы. Я не плачу, когда вокруг меня рвутся снаряды, не теряю я сознания, когда налетают черные коршуны и метают гром и молнии. Но когда мысль заходит о Марике, я теряю все свое самообладание» [35].

Письма фронтовиков, адресованные детям, полны желания не только участвовать в решении материальных проблем в условиях эвакуации, но и содержат советы своим близким как воспитать детей, научить выжить, получить образование и быть первыми помощниками их матерям. Искренний тон писем делает всех, кто с ними знакомится, невольными соучастниками событий военных лет, заставляет сопереживать.

Современное прочтение писем

Каково нынешнему поколению людей, оценивать 18–20-летних в своем большинстве, редко старше 30 лет бойцов и командиров Красной армии? Понять мотивы их поведения, оценить поступки? Какими глазами читают письма 1941–1945 гг. не успевших возмужать отцов их дети, которым исполнилось 80 лет и старше? Они, в любом случае, воспринимают своих оставшимися навсегда молодыми родителей старше себя.

Работа с письмами войны позволяет выяснить дополнительные сведения о жизни и боевом пути ее участников, включая сведения о государственных наградах. Разбирая письма Ивана Семеновича Векшина [36], которые передала на хранение в Центр диаспоры его дочь Рената Петровская (Векшина), я обратил внимание на упоминание о его награждении орденом Отечественной войны 1 степени. Дочь об этом ничего не знала. Обращение к базе данных Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ) позволило выяснить, что награда была присвоена посмертно 30 марта 1944 г. [37]

Письма 1941–1945 гг. позволяют по-новому взглянуть на события ушедших лет. Рождается чувство сопричастности к трагедии, которую пережили люди в годы войны. Письма – неопровержимый документ эпохи. Они не только хранят в себе информацию для историков, но и несут большой эмоциональный заряд. История оживает. Привычные стереотипы требуют проверки. В центре писем – жизнь «маленького» человека, не героя, но участника событий. Нет показного патриотизма. Есть сомнения или вера, и большая надежда, что счастливый конец наступит. Возникают новые вопросы, которые требуют ответа.

В Центре диаспоры хранятся письма детей фронтовиков, когда они только учились говорить. Потом, через несколько лет – писать, затем они пошли в школу, а война еще продолжалась. Спустя 70 лет дети войны уже умерли, и их внуки приносят рассказ об их послевоенной жизни. Сколько возможностей мы упустили, пока рядом жили участники Великой войны?! Не расспросили, не записали, не выслушали. Сколько документов личной истории не сохранили. Не придали значения, откладывали на потом, надеялись, что успеем. Не проявили настойчивости, не уговорили, не убедили, не заставили рассказать, написать. Да и кого интересует история современности, пока живы свидетели?

Письмо к письму, даже от разных авторов. Так восстанавливается мозаика прошлого. Знание контекста, понимание причинно-следственных связей помогает объяснить логику событий. Письма с войны – это пульсирующий ток крови, который оживляет восковую фигуру, составленную при помощи строгих архивных документов. Что думали, на что надеялись, боялись, гордились люди военной поры? Чем жили? Тяжелый труд повседневности, часто непосильный. Нехватка предметов первой необходимости. Питание без витаминов и калорий. Расцвет «черного» рынка, спекуляции, неверие официальной пропаганде одних и слепая вера других. Пренебрежение личной безопасностью и великая надежда (часто вопреки всякой логике), что все образуется...

Рис. 6. Работа над письмами

Выводы

Военные письма и дневники из бывшего СССР рассредоточены в разных музеях и архивах не только бывшего СССР, но и других стран, включая Израиль. При этом в Израиле ни один архив пока не содержит специальных коллекций военных писем, обработанных и систематизированных, снабженных справочным аппаратом. Опыт работы по созданию коллекции военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете является первым для Израиля, позволяя восполнить этот пробел. Нацистский геноцид евреев на территории СССР собрал страшную жатву: была уничтожена почти половина советского еврейства – около 2,5 млн чел., не менее 200 тыс. евреев погибло на фронтах, в партизанских отрядах и плену. Десятки тысяч евреев умерли в блокадном Ленинграде и в прифронтовой полосе, а также в тылу от голода и болезней. Евреи не выделяли себя из общего ряда советских граждан. Однако, как следует из писем, их выделяли: существовал бытовой и государственный антисемитизм. В каждой еврейской семье, пославшей своих детей, мужей, братьев и сестер в Красную армию, понимали, какой опасности они подвергаются. Одновременно евреи в тылу приняли самое активное участие в обеспечении фронта всем необходимым [38].

Большинство писем были написаны для решения сиюминутных задач. Каждое существовало само по себе, но, объединенные вместе, они дают искомую мозаику.

Подспудно письма оказались частицей общего зеркала, которое отражает эпоху. Переписка людей самого разного культурного уровня, возраста, жизненного опыта, сопоставленная друг с другом, дает прекрасную пищу историку, способному связать и осмыслить эти разрозненные частички между собой. В итоге возникает материал, который подкупает своей искренностью. Именно поэтому частная переписка оставляет чувство неискушенности. Работать с такими источниками очень трудно. Необходимо огромное терпение и запас времени. Но в результате открывается возможность проследить, как формировалось представление о действительности у людей военного поколения, что они что думали и чувствовали, на что надеялись.

Использование современных технических средств (цифровая печать и улучшение изображения) позволяет не только распознать трудно читаемый текст, но и восстановить визуальную сторону (внешний вид, почерк, бумага, марки, конверты, штампы цензуры и прохождения почты). Все это помогает правильно оценить эпоху, людей, изучить настроения в обществе и отдельно взятой семье. Подводя итог, можно утверждать, что включение в научный оборот писем и других источников личного происхождения открывает новые перспективы изучения жизни на войне, знания о которой необходимы современным поколениям.

Примечания:

1. Арад И. Они сражались за родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. Иерусалим. М.: Гешарим, 2011. С. 36.
2. Дубсон В.Б. К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны // История, память, люди. Материалы VI международной научной конференции 18 октября 2012 г. Алматы: Мицва, 2013. С. 6–18.
3. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 40–41.
4. Письма гнева и ненависти. Сборник. М. Л.: Воениздат, 1942. 19 с.
5. Письма из немецкой неволи. Магадан: Советская Колыма, 1943. 48 с.
6. Письма с фронта. Сборник. Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1949. 156 с.
7. Солдатские письма. М.: Политиздат, 1965. 480 с.
8. Великая Отечественная в письмах. М.: Политиздат, 1980. 288 с.
9. Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941–1945 гг. 2-е изд., доп. и перераб. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985. 205 с.
10. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. Краснодар: Диапазон-В, 2010. 240 с.
11. Дейчман Е. Сто писем с фронта, 1942–1944 гг. М.: Российское гуманистическое общество, 2010. 216 с.
12. Письма с фронта. М.: АСТ, 2014. 224 с.
13. Сохрани мои письма...: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М.: Центр и Фонд «Холокост», МИК, 2007. 320 с.
14. Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. 328 с.
15. Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3. М.: Центр «Холокост»; МИК, 2013. 288 с.
16. Советские евреи пишут Илье Эренбургу, 1943–1966 гг. Иерусалим: PRISMA-PRESS. 1993. 539 с.
17. До первого боя. Солдатские письма, декабрь 1941 – март 1943 гг. Реховот: «A-Z», 2006. 109 с.
18. Розенфельд М. Письма с фронта. Ашкелон: [Б.и.], 2010. 88 с.
19. Смиловицкий Л. Невостребованная память // Мост [Кирият-Гат, Израиль]. 2012. 18 апреля. № 622. С. 28.
20. Смиловицкий Л. Невостребованная память // Еврейский мир [Нью-Йорк, США]. 2012. 5–12 апреля. № 1037. С. 40–41.
21. Смиловицкий Л. Невостребованная память // Русская Германия [Берлин, Германия], 2012. 14 декабря. С. 9.

22. Смиловицкий Л. Невостребованная память // Надежда (Корсунь-Шевченковский, Украина). 2012. № 5 (204). С. 6.
23. Смыкалин А.С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2008. 317 с.
24. Письмо Я.Е. Иоффе С.Е. Иоффе, 22 сентября 1943 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
25. Письмо А.И. Авина Б.Д. Рубиновой, 25 апреля 1943 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
26. Письмо А.И. Авина Б.Д. Рубиновой, 5 марта 1944 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
27. Письмо М. Шварцмана Х. Шварц, 24 июня 1942 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
28. Письмо В.М. Кагановича Х.М. Каганович, 25 сентября 1944 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
29. Письмо Н. Сулович Л. Смиловицкому, 19 июня 2014 г. // Личный архив автора.
30. Извлечения из Перечня сведений, составляющих военную и государственную тайну (18 мая 1944 г.) // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы. Документы советской истории. М.: РОССПЭН, 2007. С. 551–553.
31. «Положительные и отрицательные настроения населения в связи с военными действиями». Гомель, 17 июля 1941 г. Спецсводка НКГБ БССР секретарю ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдинову по материалам перлюстрации писем // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны. Документы и материалы (22 июня – август 1941 г.). Минск: НАРБ, 2006. С. 212–232.
32. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Проверенные цензурой. Письма военного времени, как источник истории советской повседневности // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти. Сборник научных статей. Краснодар: Издательство «Эдарт-Принт», 2011. С. 131–153.
33. Письма Моисея Гинзбурга своим родителям в Баку 28 августа – 25 декабря 1944 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
34. Наградные листы на Михаила Борисовича (Моисея Берловича) Гинзбурга, 1924 г.р. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686 196. Д. 1479. Л. 250. Оп. 690 155. Д. 1081. Л. 83. Оп. 687 572. Д. 1808. Л. 89.
35. Из писем Шеваха Лapidуса Раисе Лapidус, 18 марта и 15 июля 1944 г. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
36. Переписка Ивана Семеновича Векшина и его жены Быховской Софьи Израилевны, 1942–1944 гг. // Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
37. Наградной лист на младшего лейтенанта И.С. Векшина, адъютанта стрелкового батальона 707-го стрелкового полка 215-й стрелковой Смоленской дивизии. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686 044. Д. 3261. Л. 79.
38. Мининберг Л.Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период второй мировой войны (1941–1945 гг.). М.: ИЦ ГАРАНТ, 1995. 552 с.

References:

1. Arad I. Oni srazhalis' za rodinu. Evrei Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne. Ierusalim. M.: Gesharim, 2011. S. 36.
2. Dubson V.B. K voprosu o masshtabah jevakuacii naselenija SSSR vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny // Istorija, pamjat', ljudi. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 18 oktjabrja 2012 g. Almaty: Micva, 2013. S. 6–18.
3. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn' v uslovijah social'nyh transformacij. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2011. S. 40–41.
4. Pis'ma gneva i nnavisti. Sbornik. M.–L.: Voenizdat, 1942. 19 s.
5. Pis'ma iz nemeckoj nevoli. Magadan: Sovetskaja Kolyma, 1943. 48 s.

6. Pis'ma s fronta. Sbornik. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoj SSR, 1949. 156 s.
7. Soldatskie pis'ma. M.: Politizdat, 1965. 480 s.
8. Velikaja Otechestvennaja v pis'mah. M.: Politizdat, 1980. 288 s.
9. Ognennye stroki. Pis'ma s fronta i na front 1941–1945 gg. 2-e izd., dop. i pererab. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 205 s.
10. Geroi terpenija. Velikaja Otechestvennaja vojna v istochnikah lichnogo proishozhdenija. Krasnodar: Diapazon-V, 2010. 240 s.
11. Dejchman E. Sto pisem s fronta, 1942–1944 gg. M.: Rossijskoe gumanisticheskoe obshhestvo, 2010. 216 s.
12. Pis'ma s fronta. M.: AST, 2014. 224 s.
13. Sohrani moi pis'ma...: Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. M.: Centr i Fond «Holokost», MIK, 2007. 320 s.
14. Sohrani moi pis'ma...: Sbornik pisem evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. Vyp. 2. M.: Centr i Fond «Holokost»; MIK, 2010. 328 s.
15. Sohrani moi pis'ma...: Sbornik pisem evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. Vyp. 3. M.: Centr «Holokost»; MIK, 2013. 288 s.
16. Sovetskie evrei pishut Il'e Jerenburgu, 1943–1966 gg. Ierusalim: PRISMA-PRESS. 1993. 539 c.
17. Do pervogo boja. Soldatskie pis'ma, dekabr' 1941 – mart 1943 gg. Rehovot: «A-Z», 2006. 109 s.
18. Rozenfel'd M. Pis'ma s fronta. Ashkelon: [B.i.], 2010. 88 s.
19. Smilovickij L. Nevostrebovannaja pamjat' // Most [Kir'jat-Gat, Izrail']. 2012. 18 aprelja. № 622. S. 28.
20. Smilovickij L. Nevostrebovannaja pamjat' // Evrejskij mir [N'ju-Jork, SShA]. 2012. 5–12 aprelja. № 1037. S. 40–41.
21. Smilovickij L. Nevostrebovannaja pamjat' // Russkaja Germanija [Berlin, Germanija], 2012. 14 dekabrja. S. 9.
22. Smilovickij L. Nevostrebovannaja pamjat' // Nadezhda (Korsun'-Shevchenkovskij, Ukraina). 2012. № 5 (204). S. 6.
23. Smykalin A.S. Perljustracija korrespondencii i pochtovaja voennaja cenzura v Rossii i SSSR. SPb.: «Juridicheskij centr Press», 2008. 317 s.
24. Pis'mo Ja.E. Ioffe S.E. Ioffe, 22 sentjabrja 1943 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.
25. Pis'mo A.I. Avina B.D. Rubinovoj, 25 aprelja 1943 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.
26. Pis'mo A.I. Avina B.D. Rubinovoj, 5 marta 1944 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.
27. Pis'mo M. Shvarcmana H. Shvarc, 24 ijunja 1942 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.
28. Pis'mo V.M. Kaganovicha H.M. Kaganovich, 25 sentjabrja 1944 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.
29. Pis'mo N. Suslovich L. Smilovickomu, 19 ijunja 2014 g. // Lichnyj arhiv avtora.
30. Izvlechenija iz Perechnja svedenij, sostavljajushhih voennuju i gosudarstvennuju tajnu (18 maja 1944 g.) // Sovetskaja propaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: «kommunikacii ubezhdenija» i mobilizacionnye mehanizmy. Dokumenty sovetskoj istorii. M.: ROSSPJeN, 2007. S. 551–553.
31. «Polozhitel'nye i otricatel'nye nastroenija naselenija v svjazi s voennymi dejstvijami». Gomel', 17 ijulja 1941 g. Specsvodka NKGB BSSR sekretarju CK KP(b)B G.B. Jejdinovu po materialam perljustracii pisem // Belarus' v pervye mesjacy Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i materialy (22 ijunja – avgust 1941 g.). Minsk: NARB, 2006. S. 212–232.
32. Krinko E.F., Tazhidinova I.G. Proverennye cenzuroj. Pis'ma voennogo vremeni, kak istochnik istorii sovetskoj povsednevnosti // Jug Rossii v Velikoj Otechestvennoj vojne: tropy pamjati. Sbornik nauchnyh statej. Krasnodar: Izdatel'stvo «Jedart-Print», 2011. S. 131–153.
33. Pis'ma Moiseja Ginzburga svojim roditeljam v Baku 28 avgusta – 25 dekabrja 1944 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspory pri Tel'-Avivskom universitete.

34. Nagradnye listy na Mihaila Borisovicha (Moiseja Berlovicha) Ginzburga, 1924 g.r. CAMO RF. F. 33. Op. 686 196. D. 1479. L. 250. Op. 690 155. D. 1081. L. 83. Op. 687 572. D. 1808. L. 89.
35. Iz pisem Shevaha Lapidusa Raise Lapidus, 18 marta i 15 ijulja 1944 g. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete.
36. Perepiska Ivana Semenovicha Vekshina i ego zheny Byhovskoj Sof'i Izrailevny, 1942–1944 gg. // Kollekcija voennyh pisem Centra diaspori pri Tel'-Avivskom universitete.
37. Nagradnoj list na mladshego lejtenanta I.S. Vekshina, ad#jutanta strelkovogo batal'ona 707-go strelkovogo polka 215-j strelkovoj Smolenskoj divizii. CAMO RF. F. 33. Op. 686 044. D. 3261. L. 79.
38. Mininberg L.L. Sovetskie evrei v nauke i promyshlennosti SSSR v period vtoroj mirovoj vojny (1941–1945 gg.). M.: IC GARANT, 1995. 552 s.

УДК 93/94

Советские евреи пишут в Красную армию (1941–1945). Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете

Леонид Львович Смиловицкий

Центр изучения диаспоры им. Голдштейн-Горен при Тель-Авивском университете, Израиль
Рамат-Авив, Тель-Авив, 69978
Кандидат исторических наук
E-mail: smilov@zahav.net.il

Аннотация. Статья посвящена опыту создания и анализу коллекции писем евреев – военнослужащих Красной армии 1941–1945 гг., их родных и близких, эвакуированных в советский тыл. Собранные письма представляет собой частную переписку семей фронтовиков. Большая часть из них поступила в Центр диаспоры при Тель-Авивском университете из личных архивов ветеранов Второй мировой войны и их наследников, которые проживают в разных странах мира. Автор приходит к выводу, что письма войны представляет собой ценный исторический источник, который во многом обогатит наши знания о смертельном противостоянии Советского Союза и нацистской Германии.

Ключевые слова: письма; источники личного происхождения; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Красная армия; евреи; Холокост; идиш; эвакуация; фронт; тыл; цензура.